

К ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СКАЗОЧНОГО ТЕКСТА «КУРОЧКА РЯБА»

Попытка осмысления содержания хорошо знакомой всем с детства русской народной сказки «Курочка Ряба» неизбежно приводит к возникновению ряда вопросов: «О чем эта сказка?», «Какова ее внутренняя логика?», «Как дешифруются встречающиеся в ней основные символы – курица, яйцо, мышшь?» Еще больше вопросов возникает при ознакомлении с архаичными, изначальными вариантами этой сказки, в которых, в отличие от «классического», вполне безобидного текста, завершающегося мотивом утешения стариков и примирения их с реальностью, изображаются хаос, разрушение привычного уклада жизни, «антиповедение», конфликты и трагическая гибель людей. Так, в варианте сказки, включенном в известный сборник А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки», после того, как яйцо упало и разбилось, представлены потрясающие воображение события: «Старик плачет, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась; просвирия все просвиры изломала и побросала; дьячок побежал на колокольню и перебил все колокола, а поп побежал, все книги изорвал». Конфликтогенность заурядной бытовой ситуации отчетливо проявляется и в следующем варианте: «Старик плачет, старуха плачет, веник пашет, ступа пляшет, песты толкут. Вышли на колодец за водой поповы девки, им и сказали, что яйцо изломали. Девки ведра изломали с горя. Попадье сказали, та под печку пироги посадила без памяти. Попу сказали, поп побежал на колокольню, в набат звонить. Миряне собрались: «Что же сделалось?» и между собой стали драться с досады». Не менее трагичной предстает картина, которую пересказывает попу попадья: «Дед плачет, баба плачет, курочка кудкудачет, ворота скрипят, со двора щепки летят, на избе верх шатается! Наши дочки, идучи за водою, ведра побросали, коромысла поломали, а я тесто месила да с великого горя все по полу разметала!» После этого «поп затужил-загоревал, свою книгу в ключья изорвал». По «апокалипсическому сценарию» развиваются события и в украинском варианте сказки: «Дід плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, солом'яні двері риплять. Дуб гілля попускав. Баран роги збив. Дівка посуду побила. Матушка розчину по хаті порозкидала. Піп собі косу одрізав». В белорусском варианте актуализирован зоонимический мотив, причем алогичное поведение животных обуславливается внутренней деструктивностью самой сказки: «Плача дзед, плача бабка, курачка кудахча, вароты скрыпяць, трэскі ляцяць, сарокі трашчаць, гусі крычаць, сабакі брэшучь... А я брахаць ня ўмею, дык і завьў. Выслухаў мядзьведзь казку і адарваў сабе хвост. Так з таго часу і живе з куртатым хвостом».

Вполне закономерно поэтому существование большого количества различных трактовок сюжета сказки «Курочка Ряба». С одной стороны, рассматриваемый текст характеризуется как «сказка для взрослых», изначальный смысл которой «понимали в Древней Руси и дети, и взрослые». В древности «золотое» (выкрашенное желтой краской) яйцо получали старики, когда им приходило время умирать, а простое яйцо являлось символом жизни, поэтому те, кому удавалось разбить «золотое» яйцо, оставались жить. Таким образом, «сказка как бы успокаивала взрослых, давала им возможность не горевать из-за неизбежной старости, символизируя победу жизни над смертью, продолжение ее в детях». Вместе с тем, этот сюжет определяется как «самая бессмысленная сказка из всех русских народных сказок» и делается следующий вывод: «Вся сказка – это все, что угодно: отсыл к архетипическому бессознательному, зашифрованное послание потомкам, ключ к пониманию образов жизни и смерти и т.д. Но здравого смысла в ней – нет» [Курочка Ряба – <http://www.ljpoisk.ru/archive/1281663.html>].

По мнению И. Погодина, данный текст хоть и «является тренажером для более или менее глубоких размышлений на философские темы», сама сказка «не имеет никакого логического смысла, этот текст является олицетворением абсурда (возможно, даже средоточием абсурда народной культуры)» [Погодин]. Н. Волкова в связи с этим замечает: «Довольно часто в последнее время стало высказываться мнение, что сказка эта глупая и бессмысленная, что только наивным детишкам её и читать. В одной из современных книг по развитию творческих способностей детей я прочитала такую фразу: «Сказка про Курочку Рябу – непревзойдённый шедевр нашего народа. Но ни один взрослый, если начнёт задумываться над смыслом, понять ничего не сможет. По абсурду, который заключён в этой сказке, трудно найти что-либо похожее в нашем фольклоре». Но далее участница интернет-форума, воспринимающая эту сказку как свернутый текст-код, высказывает небезосновательное суждение: «Не может быть, чтобы сказка, прошедшая тысячелетие, не имела смысла, ведь она передавалась из уст в уста, от поколения к поколению». Снесенное ку-

рицей золотое яйцо трактуется ею как символ несбывшихся ожиданий, а огорчение, плач стариков объясняются тем, что разбитое яйцо оказалось пустым, несъедобным. Звучащее в конце сказки обещание курочки снести старикам другое яйцо (не золотое, а простое) дешифруется следующим образом: «Я снесу вам яичко простое, и оно будет лучше золотого, потому что оно съедобно!»

Автор еще одной («любовной») версии склонен видеть в золотом яйце символ любви, которую сохранили старики вопреки всем жизненным невзгодам. Разбившая яйцо мышь символизирует внешние воздействия (козни, сплетни, кривотолки), разрушающие любовь. Дед и бабка плачут потому, что любовь «разбилась», а обещанное им обычное (простое) яичко – символ привычки, которая не заменяет любовь, но помогает сохранить семью. Идея сказки представлена таким образом: «Нельзя пускать внутрь семьи ничего, что может её разрушить, и надо беречь любовь» [Курочка Ряба – http://oldsite.rprosinka.com/forums/phpbb2_3].

Сходные символические и философские акценты, связанные с содержанием сказки «курочка Ряба», обнаруживаем в интернет-публикации, автор которой исходит из того, что золотое яйцо является величайшей ценностью, «вселенским чудом», «подарком, к которому нужно относиться бережно и внимательно». Рябая, т.е. пестрая курица трактуется при этом как «ритуальный персонаж, связанный с загробным миром», выполняющий роль посредника между миром людей и «тем светом». Сакральность сказочной курицы заключается в сакральности ее рябого, пестрого (не имеющего четкой колористической семантики) оперения: «Такой цвет пограничен, это цвет перехода из одного мира в другой, цвет земли и солнца, цвет некоего первоначала жизни, которое дало исток всем цветам и потому не может не быть рябым по своей сути». Сказочные дед и баба отнеслись к золотому (необыкновенному) яйцу как к обычному – совершенно утилитарно, потребительски и поэтому стали его бить; они «потеряли чуткость к происходящему и не прошли испытания на проницательность, не смогли воспользоваться шансом, подаренным им судьбой». Мышь, явившаяся «инструментом» реализации желания деда и бабы (не сама даже, а своим хвостом) совершает то, что не удастся людям, которые плачут, осознав ошибочность своих действий. Обещанное курочкой простое яйцо может лишь насытить тело, но не может, как золотое, быть важным духовным приобретением. Идея сказки формулируется в следующем виде: «Чудо может случиться в любой момент, тогда, когда ты не будешь его ждать. И источником чуда может являться самый обычный объект. Самое главное – заметить и распознать это чудо. Если ты не будешь достаточно чуток, то можешь потерять что-то очень важное» [Анализ сказки...].

Следует, однако, обратить внимание на то, что в упоминавшемся выше (и, очевидно, достаточно архаичном) тексте из сборника сказок А.Н. Афанасьева (как и в других вариантах сказки) чудесное золотое яйцо вовсе не упоминается, а курочка никакой «компромиссный вариант» старикам не предлагает. Сравн.: «Жил-был старик со старушкою, у них была курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, остро, косяно, мудрено». В приведенном фрагменте этнолингвистического комментирования заслуживает прежде всего приложение *татарушка*, образованное, вероятнее всего, в результате усечения производящей основы *татарин*, в семантике которого содержится имплицитная сема 'чужой, враждебный, опасный'. Еще более выразительным аналогом имени *Курочка Ряба* является номинация *тартарарушечка* [Лозовская: 223], обнаруживающая очевидную связь со словом *тартарары*, образованным, в свою очередь, от *тартар* 'ад, преисподняя'. Кроме того, в приведенном контексте обращает на себя внимание характеристика яйца с помощью эпитета *пестрый* – дублета прилагательного *рябой*: оба слова в сфере народной духовной культуры наделяются выразительной негативной коннотацией. Показательно и то, что контекстуальным синонимом к слову *пестро* является в данном случае номинация *мудрено*, т.е. загадочно, таинственно, необычно.

А. Плущер-Сарно, характеризуя фольклорную символику рябых, пестрых животных, упоминает о пестрых ночных бабочках, считающихся у славян обратившимися ведьмами; о пестрой кукушке – предвестнице несчастий; о грызунах Желтых Пеструшках – жителей подземного мира; о черте – единственном рябом герое фольклора, обладающем одновременно и пестротой, и полосатостью («*пестрый* – одно из его народных имен, *черти полосатые* – распространенное обращение, а «рябость» – неперемный атрибут всего сатанинского»). В этом же ряду находится, естественно, и Курочка Ряба (у А.Н. Афанасьева – *курочка-татарушка*), снесшая яйцо *пестро* и *мудрено*. Она живет с человеком, помогает ему, но в то же время представляет собой опасность. Это «не Бог и не Дьявол, а какой-то двойственный языческий ритуальный персонаж, соединяющий в себе оба этих начала, порождающий мир и губящий его одновременно; какая-то матрешка, в которой из смерти вылупляется жизнь, и из жизни вновь – смерть» [Плущер-Сарно].

Таким образом, «ключом» к пониманию анализируемой сказки можно считать определение *ряба*, то есть *рябая, пестрая*. Снесенное рябой (негативно маркированной) курицей яйцо содержит соответственно огромную негативную (деструктивную, разрушительную) энергию, которая высвобождается после разбивания яйца мышью – хтоническим («нечистым») существом, соотносящимся с представлениями о несчастье, болезни, смерти. Философский смысл сказки заключается в предостережении людей от связи со всякими проявлениями «пестроты», то есть смешанности, неопределенности, неясности, фальши, скрывающимися за внешней привлекательностью.

Литература

- Курочка Ряба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ljpoisk.ru/archive/1281663.html>
- Погодин И. Ранняя вакцинация от безумия: тайна «Курочки Рябы» Ряба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.popsy.ru/new_articles/kurochka_ryaba.php
- Курочка Ряба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oldsite.rprosinka.com/forums/phpbb2>
- Анализ сказки «Курочка Ряба» // Ряба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://community.livejournal.com/deti_v_semje/400888.html
- Лозовская Н.В. Сказочный сюжетный тип: проблемы генезиса и структурного моделирования // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1995. Вып. 8-9. – СПб., 1995. – С. 221-226.
- Плущер-Сарно А. Курочка Ряба, рыбка Пеструшка и черти полосатые: Символика пестрого в русском фольклоре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://plutser.ru/articles/ryaboy>

С.Б. Кураш (Беларусь, Мозырь)

МЕТАФОРА И СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЕ: PRO & CONTRA

В концептуальном пространстве любого типа дискурса (научного, художественного, религиозного, политического, бытового и пр.) существуют свои «вечные темы». Есть такая «вечная тема» и в истории метафорологических учений. Это вопрос о пользе vs. вреде метафоры.

Известно, что в разные времена в рамках различных методологических парадигм метафора оценивалась по-разному: кем-то поощрялась (как, например, Аристотелем, одним из первых предложившим свою теорию метафоры; или Ф. Ницше; или У. Эко и т.д.), а кем-то отвергалась. В частности, Т. Гоббс называл метафоры «блуждающими огнями», двусмысленными и бессмысленными словами и говорил, что использовать их – значит «бродить среди бесчисленных нелепостей». Так же негативно отзывался о метафоре Дж. Локк, говоря об образном словоупотреблении, что оно «имеет в виду лишь внушать ложные идеи, возбуждать страсти и тем самым вводить в заблуждение рассудок и, следовательно, на деле есть чистый обман. ... И напрасно жаловаться на искусство обмана, если люди находят удовольствие в том, чтобы быть обманутыми» [Цит. по: Арутюнова 1990 : 10-11].

Представляют интерес и те трактовки метафоры, которые не дают однозначной оценки данному феномену, когда pro и contra как бы взаимоотражаются, перетекают друг в друга. Нечто подобное находим, в частности, в дискурсе известного современного белорусского учёного, литературоведа, культуролога, философа и – одновременно – писателя А.Н. Андреева.

Относительно метафоры у А.Н. Андреева-литературоведа, философа, культуролога мы находим ряд весьма, мягко говоря, сдержанных заявлений о роли метафоры в языке литературы. Основное здесь – мысль о необходимости разграничения метафорического мышления и образного: «Литературоведов должны интересоваться скорее не эвристические возможности метафоры (метафорическое мышление абсолютно неправомерно рассматривать как синоним мышления образного), а ее выразительностилевые возможности в различных словесно-художественных системах. (...) Метафора – симптом образного, интуитивного мышления, хотя образ может быть создан и без метафоры. Уже один этот факт никак не позволяет отождествлять метафору и образ. Образ и метафора – это просто-напросто разные категории. Метафора – узкосемантическая, неконцептуальна сама по себе (как, например, деталь). Поэтому метафору можно определить как средство передачи образной концепции личности. Это способ воплощения образа, но никак не сам образ. Место метафоры как элемента стиля – в ряду других тропов. Она может быть разных видов: от метафоры, тяготеющей к рационалистичности метонимии, до самых изысканно-"сверхчувственных" образцов» [Андреев 1995 : 64-65]. И ещё: «...образное по-